

Е. Л. Конявская (Москва)

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Комплексный подход, за который ратует наш журнал, не нужно, разумеется, понимать как нечто абсолютное. Это не панацея и не универсальный ключ, который открывает любую дверь.

Есть проблемные области, где междисциплинарный подход должен быть главным по определению. Скажем, изучение сказаний о чудотворных иконах или берестяные грамоты.

Передовым рубежом науки, где на практике осуществлен комплексный подход, является сегодня изучение агиографии. В начале 90-х годов об этом заговорил В. В. Кусков. Им была написана серия статей, где на теоретическом и конкретно-исследовательском уровне были определены принципы такого подхода. Ученый говорил о необходимости изучения агиографического материала на самом широком фоне народного восприятия и почитания святого. Параллели в сельскохозяйственном календарном круге, пословицы и поговорки, приметы, духовные стихи — с одной стороны. С другой — прослеживалась история складывания и распространения культа: обретение и перенесение мощей, канонизация, составление службы, жития, похвалы, сложение иконографического типа, постройка храмов и т. д.¹. Он и сам формулировал этот принцип: «Изучение древнерусской агиографии необходимо связывать с изучением текстов церковных служб, помещенных в Служебных Минеях, а также с народным земледельческим календарем — Месяцесловами. Только такое комплексное изучение дает возможность показать значение древнерусской агиографии в народном мироизображении»². В этом русле работают сейчас многие ученые, и комплексный подход в изучении агиографии уже можно считать фактом свершившимся и давшим свои плоды. Нет сомнений, что он закладывает основы для самых широких выводов и обобщений, касающихся русской ментальности.

Но у каждой дисциплины в рамках медиевистики есть свои задачи и свои методики. Так, накопленный научный материал по изучению древнерусской словесности дает возможность ставить сейчас вопрос о теоретическом осмыслиннии литературного процесса — как в период средневековья, так и его включения в историю русской и мировой культуры. Продуктивность комплексного подхода очевидна при конкретном анализе памятников древнерусской литературы, исследование которых готовит материал для обобщений. Но и теоретические построения требуют комплексного подхода — в каждом случае особого. На некоторых таких специфических литературоведческих проблемах, требующих комплексного подхода как составляющей, я и хочу остановиться.

В современной науке сделано многое для определения и характеристики специфики древнерусской литературы, ее существенных отличий от литературы Нового времени. Тем не менее литература едина как феномен художественной культуры, как искусство слова. Соответственно, необходимо определить незыблевые категории, объединяющие литературный процесс³. Это задача — для историков литературы и теоретиков. Однако анализ литературного процесса возможен лишь

¹ См. Кусков В. В. Первые святые на Руси // Советская библиография. 1991. № 4. С. 50—53.

² Кусков В. В. Роль православия в становлении развития древнерусской культуры // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. М., 1997. Т. 1. С. 121.

³ Подробней об этой проблеме см.: Конявская Е. Л. Автор в литературе Древней Руси (XI—XV в.). М., 2000. С. 15—17; Конявская Е. Л. Древнерусская словесность в литературном процессе // Филология в системе современного университетского образования. М., 2001. С. 3—6.

в самом непосредственном сотрудничестве с фольклористикой, изучающей русское средневековье. При этом верная интерпретация оппозиции фольклор-литература, равно как и конкретное рассмотрение перетекания мотивов из устной словесности в письменную и наоборот предполагает рассмотрение этих явлений на фоне различных мировых традиций.

Комплексный подход в отечественной славистике сегодня может рассматриваться и как продолжение традиций культурно-исторической школы. Но это верно лишь с большими оговорками. Если общей посылкой синтетического рассмотрения литературных феноменов представителями этой Академической школы прошлого века было представление о том, что литература — составная часть истории культуры или истории вообще, то необходимость комплексного подхода сегодня определяется признанием синтетичности духовной культуры средневековья. Представления о мире и Боге (онтология), о человеческих взаимоотношениях (этика), о прошлом (история) и будущем (эсхатология) выражались исключительно в искусстве, которое было призвано удовлетворять сразу все духовные потребности общества. И в сложившейся гармонии искусств литература заняла свое важное место как феномен, доступный всем, поскольку слово — по своей специфике — обращено и к душе, и к разуму. Соответственно встает проблема выделения собственно «литературы» — беллетристики из того, что может быть названо «письменностью» или «словесностью». Литература в общепринятом смысле слова — художественное словесное творчество. Понятно, сколько вопросов возникает сразу, как только мы начинаем рассматривать древнерусскую литературу с этой позиции. Даже оставив в стороне субъективную сторону творчества — об этом я говорила и писала достаточно и сейчас не буду подробно на этом останавливаться, — с точки зрения внешней универсальной классификации: что такое летопись — продукт исторического сознания или литературного? Относится ли «Физиолог» к сфере научной мысли или в нем преобладает художественное освоение действительности? Таких вопросов можно привести множество, и решать их можно только в тесном сотрудничестве с историками, историками философии и науки, искусствоведами и т. д.

Определенная работа проделана в области конкретного и теоретического изучения проблемы «автор-произведение» (для древнерусской литературы)⁴. Стоит на очереди проблема «произведение-читатель» — проблема восприятия — в самом широком смысле слова. При всей продвинутости этих исследований в теории литературы в области древнерусской литературы никто, кроме нас, эти вопросы решать не будет. Традиционно теоретики используют материал литературы Нового времени, зрелой — литературы в собственном смысле слова. Рассматривая же с этой точки зрения древнерусскую литературу, нужно привлекать результаты исследований в области политической истории, истории книги, книжности, исторической психологии, истории эстетической мысли и т. п. Ибо необходимо учитывать известные историкам прямые отклики и последствия, которые могло иметь появление того или иного текста, а также его распространенность, географические и социальные круги бытования, сохранность, тип книги в списках и многое-многое другое.

Первый пласт, касающийся древнерусского словесного произведения, — «художественные миры» определены и всесторонне исследованы А. С. Деминым⁵. Однако остается множество других аспектов в теории, — в частности теоретические вопросы интертекстуальности, требующие разысканий генетического характера, привлечения переводной литературы и т. д. О композиции пишут применительно к отдельным произведениям или, в лучшем случае, — к так называемым «жанрам». Необходимо же, на мой взгляд, задуматься о неких общих позициях и попытаться понять, как они соотносятся с законами риторики. А стало быть, решить, определяет ли здесь что-то риторическая традиция, передаваемая в древнерусскую литературу сложными путями — через

⁴ См.: Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000; Конявская Е. Л. Автор в литературе древней Руси (XI—XV в.).

⁵ Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.

различные посредства, или риторика есть «объективный закон» словесного произведения. Сейчас положение дел таково, что специалисты по риторике занимаются лишь «Риториками» в собственном смысле, а таковые появляются на русской почве довольно поздно. Там же, в частности в древнерусской словесности, где риторических трактатов не было, особенно важен tandem специалиста по риторике и литературоведа — не исключено, что это даст возможность не изобретать велосипед.

И уж совсем неупорядоченной сегодня является проблема жанров. И само понятие, и термин «жанр», как известно, стали предметом острой дискуссии. Резоны для сомнения в корректности использования этого термина применительно к средневековью, казалось бы, ясны: классификация древнерусских жанров и жанров Нового времени (во многом восходящих к античной системе) практически между собой не корреспондируют. Но нельзя не обратить внимания на нечеткость самого понятия. Так, например, В. Е. Хализев отмечает, что жанровые понятия «tragедия», «повесть», «сказка» выделяются по разным основаниям⁶. Пожалуй, единственное, что бесспорно по отношению к жанру, — это то, что он заключает в себе традиционное начало произведения. Поиски других терминов (вместо «жанра» как такового) и принципов классификации литературных текстов ведутся западными учеными⁷. И здесь встает еще одна проблема комплексного подхода. Длившаяся десятилетиями закрытость нашей науки, граничившая с сектантством в контексте науки мировой, хочется надеяться, закончилась. Но процесс познания, взаимообогащения методик и подходов отечественной и западной славистики находится еще в начальной стадии. Он должен развиваться и приносить свои плоды. Чванливое представление, что только так называемые «носители языка и культуры» могут сделать в русистике что-то существенное, неверно. Часто незашоренный, лишенный вошедших в нашу плоть и кровь штампов взгляд со стороны оказывается весьма плодотворным.

Разумеется, вопрос о «жанрах» не решен. Прежний традиционный для советской науки подход также развивается, ищет уточнений и более строгого обоснования — с опорой на иерархию функционирования текстов, языковых регистров и дискурсов⁸. И если не устраивать в этой области революции, а попытаться сохранить рациональное в традиции термина и понятия, жанр может рассматриваться как некая идеальная модель, определяемая традицией, особенностями адресата и утилитарно-функциональными характеристиками. «Вычитая» ее из художественной структуры конкретного памятника литературы, мы получаем основу для определения его индивидуального художественного своеобразия.

Более частной терминологической (но, может быть, и не только терминологической проблемой) является соотношение «жанра» и «канона». Мне кажется, слово «канон» в научной литературе используется не очень аккуратно. Есть определенные «но» для применения его даже по отношению к такому «каноническому» типу словесности, как житие. Строго говоря, канон предполагает набор правил и норм, где-то зафиксированных — либо в манифесте или эстетическом трактате, либо в эталоне. Изначально Поликлетом (от которого и пошло это слово) было создано и то и другое. Что же было «каноном» в прямом, а не метафорическом смысле в дометафрастовской агиографии, и был ли он? Возможно, именно искусствоведы с их иконографическим каноном, воплощенном в иконописном подлиннике, могут помочь в решении этой проблемы.

⁶ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 320.

⁷ См.: Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh Congress of Slavists. II. The Hague — Paris, 1973. Р.439—467; Lenhoff G. Categories of Early Russian Writing // Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. № 2. Р. 259—271; Ingham N. W. Genre-Theory and Old Russian Literature // Там же. Р. 238—341; Seemann K.-D. Genres and the Alterity of Old Russian Literature // Там же. Р. 246—258.

⁸ См. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 304—306.

Таким образом, очевидно, что комплексный подход оказывается необходимым при решении даже таких, казалось бы, специфически филологических — литературоведческих проблем, причем не только при конкретном анализе памятника, но и в теоретических разысканиях. Разумеется, эти разыскания — тоже промежуточный этап в создании науки как таковой. Когда мы более или менее полно решим частные проблемы, настанет время *системного подхода*, венчающего формирование научного знания.

